

Памяти Алексея Григорьевича Чернякова

14 июля 2010 года в Санкт-Петербурге ушел из жизни выдающийся мыслитель нашего времени, российский философ Алексей Григорьевич Черняков. Философское сообщество еще не скоро сможет осознать все значение этой потери.

Круг научных интересов Алексея Григорьевича отличала завидная и мало кем в наше время достижимая широта: феноменология и философская герменевтика, античная философия, восточная патристика и западная схоластика, история логики, наука и богословие в современном мире, математическая логика и основания математики, онтология, теория топосов и категорный анализ. Причем эти привлекавшие внимание Алексея Григорьевича сферы гармонически сочетались в его интеллектуальном творчестве. Вместе с тем такой кругозор был обеспечен высочайшим профессионализмом, основательным знанием материала в каждой из областей, знанием, за которым скрывались многие годы терпеливого ученичества и кропотливого труда.

Помимо прочего Алексей Григорьевич был образцовым педагогом, Учителем с большой буквы. Нельзя не согласиться здесь с Анной Хахаловой: «Он был учителем в подлинном смысле этого слова, мыслителем по призванию, человеком исключительного ума и тонко чувствующей души. Исследуя на семинарах классические тексты, выявляя неожиданные оттенки смысла, вплетая их в общую логическую канву, он создавал уникальный для российской науки стиль и метод философствования».

А. Г. Черняков окончил математико-механический факультет СПбГУ, занимался теоретическими и прикладными вопросами математики, работал в Институте социально-экономических проблем РАН, где защитил кандидатскую диссертацию. Постепенно все больше обращаясь к философии, он самостоятельно изучил древние (греческий, латынь), а также современные языки, прошел серьезную философскую школу в Великобритании (Кембридже), учился в Свободном университете в Амстердаме, где в 2001 году защитил докторскую диссертацию по философии. Подтверждая докторскую степень в России, он защитился в Москве в Российском государственном гуманитарном универси-

тете. Его монография «Онтология времени. Время и бытие в философии Аристотеля, Гуссерля и Хайдеггера» (2001) стала настоящим пособием для феноменологов и историков философии.

Алексей Григорьевич являлся неоспоримым примером того, что в России, вопреки всему, философская работа может осуществляться полноценно. Пока Черняков был жив, мы были уверены — в русской философии что-то может происходить по большому счету. Он был символом противостояния как посредственности, косности, так и завравшемуся самозванству в профессии. Общаясь с Алексеем Григорьевичем, посещая его лекции и семинары, знакомясь с его публикациями, мы понимали — столь же содержательной могла бы быть и наша работа. Он стал ориентиром для тех, в чьи намерения входило радикальное изменение характера философских исследований и практики преподавания этой дисциплины в наших современных (весьма непростых и неоднозначных) академических условиях. С Алексеем Григорьевичем у многих из петербургского научного сообщества были связаны значительные планы, касающиеся не только теоретических изысканий, но и педагогической практики. Ведь А. Г. Чернякова можно назвать создателем первой философской школы в Петербурге: вместе с Н. А. Печерской, В. М. Лурье, А. М. Шуфриным, А. В. Парибком, О. М. Ноговицыным и Г. И. Беневичем он принял участие в создании новой образовательной институции — Высшей религиозно-философской школы в Санкт-Петербурге (1990). Много лет Алексей Григорьевич возглавлял кафедру философии в ВРФШ, читал лекции в Русской христианской гуманитарной академии и Математическом институте им. В. А. Стеклова. Черняков сумел сформировать круг учеников и коллег, став для них своего рода центром притяжения — одним из тех людей, которых всегда интересно слушать, с которыми всегда интересно говорить, у которых мы воспринимаем стандарты нашей работы и которые умеют заметить, оценить и, если это оправдано, одобрить философские начинания своих коллег и учеников.

Вспоминает Евгений Борисов: «При фантастической широте интересов и компетенций Алексей Григорьевич не любил быстрых обобщений и масштабных концепций: его всегда интересовали детали и нюансы, которые обнаруживаются в предмете в данном конкретном контексте, при данном освещении. Говоря на феноменологическом языке, он умел видеть, как в рамках данного дискурса, данного подхода в таком-то абзаце такой-то страницы текста *становится* предмет обсуждения и какие вопросы он перед нами ставит. На моей памяти он всегда задавал тон дискуссиям, обращая внимание участников на этот процесс „конституирования“ предмета; и он как никто другой умел пробудить в нас — тех, кому посчастливилось с ним общаться, — продуктивное недоумение относительно того, что же мы обсуждаем, и продуктивное сомнение в тех позициях, которые, как нам казалось, мы представляли. В этом смысле он остается для нас образцовым феноменологом:

не в смысле принадлежности к определенной школе, а в смысле просвещенной — опирающейся на основательнейшую школьную выучку — свободы от всяких школьных рамок и незамутненного интереса к „самой вещи“».

Действительно, Алексей Григорьевич Черняков был образцом профессионализма в философии, по крайней мере для того поколения, которое в Петербурге вступало в философию в последнее десятилетие минувшего века и первое десятилетие века наступившего. Андрей Паткуль отмечает: «Его страсть к историко-философским образцам, выражавшаяся, в частности, в том, чтобы изучать тексты, в которых они получили свое воплощение, на том языке, на котором они были созданы, являлась не только архивным интересом, но и напряжением личной ответственности перед традицией. Традицией, в виду которой мыслитель вообще может рисковать сказать свое собственное слово. Этой ответственности всем нам придется еще долго учиться. И то, что такое слово, может еще не приобретшее своей окончательной формы, у Алексея Григорьевича было, не подлежит никакому сомнению».

Здесь уместным будет вспомнить несколько направлений, по которым, особенно в последнее время, двигалось мышление А. Г. Чернякова.

Базовое теоретическое положение, вокруг которого вращалась его мысль, заключалась в тезисе о тождестве математики и онтологии. Его актуальность во многом была почерпнута им из работ Алена Бадью. По трудам последнего «Бытие и событие» и «Логике миров» Алексей Григорьевич проводил специальные текстологические семинары, рассчитанные не только на философскую публику, но и на математическое сообщество. В конечном итоге идея такого отождествления возводилась им к Гуссерлю с его идеей формальной онтологии и попыткой прочитать таковую через проект *mathesis universalis*. Конечно, затея замены философии (в более частном случае — онтологии) математикой не нова; насколько она осуществима, да и теоретически обоснована в принципе, — нужно вести особую речь. Но благодаря развернутым интерпретациям Чернякова не осталось никакого сомнения в оригинальности обращения этой проблемы у Гуссерля и Бадью, оригинальности, очевидно требующей адекватного мыслительного отклика, который и пытался предложить со своей стороны Алексей Григорьевич.

Другой важнейшей линией его размышлений была проблематизация соотношения онтологии и этики. Такое соотношение многопланово, начиная с наиболее заметного уровня возможного влияния этико-онтических обстоятельств жизни и деятельности того или иного мыслителя, работающего в сфере онтологии, на характер тех конструктов, которые были им в ходе такой работы получены. Алексей Григорьевич, особенно в последнее время, был убежден в неизбежности такого рода обусловленности — обосновывающим примером для него служила личная и философская биография Мартина Хайдеггера, философа, в перевод и интерпретацию трудов которого Черняков внес неоцени-

мый вклад. Иногда даже казалось, что для Алексея Григорьевича этическая виновность, допущенная философом в частной жизни, может перечеркнуть и сделать незначимым то универсальное, что было им достигнуто в ходе самой философской работы, включая онтологическую ее размерность. В плане осмысления такого соотношения по типу этического упреждения онтологического измерения философски релевантной фигурой для него был уже не Хайдеггер, а Э.Левинас. Напротив, сам фундаментально-онтологический проект Хайдеггера, включая его сердцевину — экзистенциальную аналитику *Dasein*, по его мнению, вполне можно было интерпретировать из опыта его создателя — Мартина Хайдеггера, причем как личного опыта (опыта заботы, ужаса, вины), так и опыта интеллектуального, приобретенного Хайдеггером прежде разработки проекта фундаментальной онтологии. Например, из диалога Хайдеггера с христианской и прежде всего с раннехристианской традицией.

В теме соотношения онтологии (да и философии вообще) и этики для Алексея Григорьевича присутствовал значительно более важный мотив, чем только обусловленность содержания онтологического учения этическими обстоятельствами философствующего. Имеется в виду проблема собственно философского этоса, этоса философа как именно философа, и соотношения такого этоса с «искомой наукой» сущего как сущего. Этос философа — это то, что только открывается как такое в собственном усилии философствования, в том числе и как способность подобное усилие совершить. Вместе с тем оказывается, что это, открываемое только в акте философствования, направленного на построение «искомой науки», само привходит в содержание этой науки. В предельном случае можно было бы утверждать, что как раз такая наука, в отличие от всех прочих, оказывалась бы невозможной без этоса философского усилия, привносящего в нее часть своего содержания или же, по крайней мере, всякий раз заново актуализирующего его.

Наконец, необходимо упомянуть о своеобразной концепции истории философии, которую развивал Алексей Григорьевич, а именно концепции истории философии как картографии. Насколько это можно сейчас реконструировать по отдельным высказываниям Чернякова, он представлял себе историю философии как своего рода совокупное наличие осуществленных свершений мысли. Концепция Чернякова уделяла особое внимание фактической стороне дела: даже страсть Алексея Григорьевича к изучению историко-философских памятников на языках оригиналов была не столько обусловлена стремлением к расширению эрудиции, сколько необходимо затребована особенностью того или иного фактически осуществленного философского образца. Здесь можно было бы вспомнить излюбленную метафору Алексея Григорьевича — история философии представлялась ему как «сад расходящихся тропок», карту которого и призван составить квалифицированный историк философии.

Разумеется, три упомянутых направления не исчерпывали всего богатства интересов Алексея Григорьевича Чернякова как мыслителя, не составляет их разработка и полного списка его философских достижений.

Черняков, особенно в последнее время, говорил о том, что его, видимо, волновало и беспокоило более всего: о состоянии философии в нашу «нетворческую эпоху», философского образования в самом широком смысле этого слова, называя современное положение дел «эсхатологическим философствованием». Он полагал, что в наше время потуги на оригинальность смешны и мелочны по сравнению с попыткой стать *причастным* Философскому Тексту, существовать по его краям, границам, создавая для себя возможность самостоятельного говорения, всегда сопряженного с опасными вылазками за пределы освоенной «философской ойкумены». Сам Алексей Григорьевич такие отчаянные «вылазки» совершать не боялся, ведя разговор в присутствии подлинника, пытаясь по-своему — на свой страх и риск — преодолеть наше нетворческое время, демонстрируя тем самым, что единственным достойным ответом распространенной сейчас в российских университетах «нетворческой критике» может быть только *ответственная* работа, кропотливый труд, требующий отважиться на чрезвычайное напряжение всех своих сил, без какой бы то ни было гарантии на «успех».

Что остается нам сейчас — после Чернякова? Остается ощущение, что *теперь придется как-то самим*. Удастся ли, а если и удастся, то когда еще, достигнуть того уровня, который он уже покорил? Однако именно поэтому он остается с нами. И правда, дело не только в том, что он оставил тексты, которые мы используем, и укоренил в нашем сообществе определенные темы и направления исследований, — он присутствует в нашей жизни и как образец мыслителя и собеседника, *живого* собеседника. А это значит, что мы можем пытаться продолжить им начатое и запланированное, хотя бы на том уровне, на каком это пока оказывается возможным. И речь здесь идет, с одной стороны, о почитании памяти мыслителя и того дела, которому он был всецело предан, а с другой стороны, о проверке на прочность нас самих. Стало быть, не надо опускать руки, а надо научиться держать удар.

Светлая память Алексею Григорьевичу Чернякову...

*Редакция журнала Логос
и коллектив авторов*